

63.3 (2) 42
Б 20
05042.1

Роберт Балакшин

ПОЧЕТНЫЕ ГРАЖДАНЕ

города Вологды

НАЧАЛО ТРАДИЦИИ

Что мы знаем о почетных гражданах нашего города? У многих эти слова вызовут воспоминания, в лучшем случае, сорокалетней давности, тогда как этой славной городской традиции скоро исполнится полтора века.

Но прежде чем приступить к рассказу о первых почетных гражданах Вологды, временно пребывавших в забвении, перенесемся в античность, когда в Древнем Риме законодательно оформилось понятие гражданства. Быть гражданином Рима, значило, быть свободным, и в отличие от раба иметь не только обязанности. Но и права. На страже этих прав стояла военная мощь державы. Гордое изречение: *Civis Romanus sum* — «Я — римский гражданин», было юридической формулой, охранной грамотой, обеспечивавшей личную неприкосновенность граждан за пределами Рима. Первоначально гражданство наследовалось, позднее его стали присваивать. По закону Геллия, принятому Сенатом в 72 году до Рождества Христова, полководцу Гнею Помпею разрешалось предоставлять отдельным лицам за исключительные заслуги римское гражданство.

Следующий этап развития гражданства наблюдается в средневековой Европе, когда быть гражданином (горожанином) означало, быть не крепостным феодала, а вольным человеком. Борьба за право горожан быть свободными велась между феодальными сеньорами и городами не один век, завершившись победой последних. В города, превратившиеся в заповедники свободы, сбегали крепостные крестьяне. Однако получить гражданство было не легко. Например, между императором Фридрихом II и городом Госларом в 1219 году было заключено условие: «Если какой-либо чужак пришел жить в названный город и так оставался там в течение года и одного дня, причем ни разу ему не ставили на вид рабского состояния, не уличили его в этом, и сам он в этом не признавался, то пусть он пользуется общей с другими гражданами свободой».

В пределах указанного срока господин мог отыскать, схватить крепостного и вернуть себе, но проходил год и один день и феодал терял все права на человека. Тогда бытовала поговорка: «Городской воздух делает свободным». Герои западноевропейского фольклора — бродячие портные, сапожники, музыканты, иногда предстающие перед нами в иносказательном облике зверей, никто иные, как беглые крепостные, переходящие из города в город и пытающиеся правдами и неправдами обосноваться в каком-нибудь из них.

Жизнь постепенно менялась, отпала необходимость идти за грошовую плату в кабалу к мастеру, чтобы он подтвердил заповедный срок, стало возможным просто приехать в город, буднично отметиться в полиции и ты — горожанин, но в память о тех временах, когда гражданство надо было заслужить, оно даровалось, и получение его порой было вопросом жизни или смерти для человека, в память об этом и возник обычай присваивать звание Почетного гражданина города, как награду, как знак уважения к заслуженному горожанину или высокому гостю.

В Россию этот западноевропейский обычай пришел во второй половине XIX века. Ему предшествовали драматические события.

После подавления генералом М. Н. Муравьевым Польского мятежа 1863—1864 годов бунтовщики, не подлежавшие более суровым наказаниям, были разосланы в отдаленные российские города. Практика, показывающая, между прочим, гуманность царского правительства. Людей не расстреливали сотнями, как участников Кронштадтского восстания, не загоняли тысячами в Кольимские лагеря, а сохраняли им жизнь и относительную свободу. Через восемь лет, к слову сказать, поляков вообще амнистировали.

Большой отряд ссыльных был определен на жительство в город Великий Устюг. Губернией тогда управлял С. Ф. Хоминский, происходивший родом из польских дворян. Он заботливо следил, как размещаются ссыльные на новом месте, неявно содействовал им в устройстве на службу, на работу, из земляческих чувств допускал для них послабления, желая облегчить их участь. Ведь что бы ни говорили, не идеологией, не деньгами, не грубой принудительной силой государства, а кровным родством, духовной близостью, сознанием принадлежности к одному народу, живут и крепятся люди. Когда над государством нависает смертельная опасность, именно к нему, к национальному чувству взывают мудрые вожди и, если чувство живо, не разъедено ржавчиной лжеучений, оно творит чудеса.

Чем могли «польские устюжане» отблагодарить губернатора за добро, за участие? Собрать деньги и поднести подарок — значило скомпрометировать его, подвести. Гораздо мудрее оказалась мысль, надоумить местные устюжские власти наградить губернатора званием Почетный гражданин города. Городские власти откликнулись с охотой: дело хоть и небывалое, неслыханное, но интересное.

Прямых документальных свидетельств, что все происходило так, как написано выше — у нас нет, приходится полагаться на интуицию, прибегать к догадкам. Но и опровергнуть догадки нечем, ибо как только поляки поселяются в Устюге, вскоре появляется идея Почетного гражданина города, подчеркиваем, именно западноевропейская.

Письмо из Великого Устюга с необычным предложением поступило в канцелярию губернатора, ему тотчас дали ход, но местные чиновники подумали: хорошо ли губернскому городу отставать от уездного, и подхватили интересную инициативу.

Так в 1865 году появился первый Почетный гражданин города Вологды.

Если губернскому городу не годится отставать от уездного, то позволительно ли плестись в хвосте столице? В 1866 году появляется Почетный гражданин и в Москве. К 1917 году, вероятно, не было ни одного губернского и уездного города не имевших Почетных граждан. В Москве ими были хирург Н. И. Пирогов и купец-благотворитель П. М. Третьяков, в Минске народный герой генерал М. Д. Скобелев, в уездных городах Вологодской губернии: в Кадникове — губернатор А. А. Мусин-Пушкин, в Грязовце — предводитель дворянства А. А. Левашов.

С 1865 по 1917 год звания Почетный гражданин города Вологды были удостоены 13 человек. Среди них люди в былые времена, без преувеличения, известные всей России — адмирал К. Н. Посьет, князь М. И. Хилков, наш земляк, министр путей сообщения — С. В. Рухлов. Были и такие, кого широко знали лишь в губернии — губернаторы И. Я. Дунин-Борковский, А. А. Лодыженский. Или только в Вологде. Но знали действительно. И вологжанам нет нужно было объяснять, кто такие: Н. А. Волков, Т. Е. Колесников или В.Н. Зубов.

Еще довод, что от нас пошло присвоение звания. Не знали, как это делать, процедура была в новинку, не отработана. Предложения сперва шли от Великоустюжского городского общества, а в Вологде от общества купцов и мещан. Затем, начиная с Каханова, этим занималась только городская Дума.

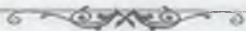

ВОЗГЛАВИТЕЛЬ

Род Хоминских — один из старейших дворянских родов Российской империи польского происхождения. В 1807 году в родовом имении Хоминских, что находилось в Свенцяцком уезде Виленской губернии, родился мальчик, названный Станиславом. Этому мальчику суждено будет стать долгожителем среди Вологодских губернаторов и своими именем возглавить славный ряд почетных граждан города Вологды.

Но это еще когда-то будет, а пока мальчик, получив обычное для дворянских детей той поры хорошее домашнее образование, поступил в Виленский университет. Закончив его, дальше он избрал для себя воинскую карьеру. Офицерская служба во все времена была привычной, как бы само собой разумеющейся для молодого российского дворянина, сколько видных государственных мужей, прославившихся впоследствии на поприще службы гражданской, начинали свой путь в армейском строю. Для Станислава этот выбор был естественен еще и потому, что совсем недавно завершилась эпопея Отечественной войны 1812 года. Рассказы о героических деяниях той поры были у всех на устах, и мало кто из

дворянских юношей не грезил тогда военными подвигами, не мечтал о славе античных героев, жертвовавших собой ради блага Отечества. А ведь вражеское нашествие дважды прокатилось через родные места Хоминского: летом, форсировав Неман, здесь маршировали на Россию корпуса Великой армии Наполеона — торжествующие и уверенные в скорой победе, а зимой остатки их уже волоклась обратно — побитые и жалкие.

Отдав военной службе семнадцать лет своей жизни, Хоминский в чине полковника вышел в отставку, поселившись у себя дома, где занимался хозяйством и служил по выборам уездным предводителем дворянства.

В пятидесятилетнем возрасте люди не склонны круто менять свою жизнь, предпочитая довольствоваться привычным настоящим, чем надеяться на неизвестное будущее. Трудно переменить устоявшийся образ жизни, всколыхнуть привычный быт и устремиться по неизведанным путям. Но Хоминский принадлежал к иному сорту людей. В этом возрасте он возвращается на службу и становится Ковенским губернатором.

Недолго он пробыл на этом посту. Именной Высочайший указ, повелевающий генерал-майору Хоминскому стать Вологодским губернатором, навечно связывает его с историей нашего края.

Третьего декабря 1861 года Станислав Фаддеевич прибыл в Вологду и вступил в управление Высочайше вверенной ему губернией. Здесь он дослужится до своего высшего воинского звания, получит свои главные награды, оставит по себе долгую, добрую память.

Время, когда Хоминский стал губернатором, было сложным временем в истории России, одним из узловых моментов ее бытия. Именно в 1861 году совершилось одно из важнейших событий царствования Императора Александра Второго — началось осуществление Великой крестьянской реформы. Ее ждали много десятилетий, она занимала и жгла умы и сердца нескольких поколений русских людей, от императорского дворца до скромной хижинки зем-

лепашца. Освобождение крестьян от крепостного права было настоящей русской проблемой. Так жить дальше было невозможно, однако резкий поворот многовекового уклада российской жизни грозил стране неслыханными потрясениями. И хотя к решению вопроса подошли с величайшей осторожностью и предусмотрительностью, — Н. А. Некрасов недаром сказал: «Порвалась цепь великая, одним концом по барину, другим по мужику», — нужно было сделать так, чтобы удар этот по возможности был менее болезненным (хотя избежать этого полностью, как мы знаем, не удалось). На местах тяжесть разрешения проблемы умиротворения сторон — крестьян и дворян, полюбовного улаживания конфликтов — во многом ложилась на плечи губернаторов, которые были председателями созданных в тот время Губернских по крестьянским делам присутствий.

А ведь одновременно с крестьянской реформой проводились другие — земская, судебная, университетская, военная. Не изменяя своей мистической сущности — быть православной державой — Россия путем продуманных и планомерно осуществлявшихся преобразований принаравливалась к новым запросам времени, улучшая способы хозяйствования и управления, чтобы не отстать от ведущих государств мира. Каждая из реформ требовала от губернатора в той и ли иной степени своей доли внимания и забот. И в то же время нельзя было отложить в сторону текущие, повседневные дела — попечения о благоустройстве губернского города, о быте уездных городов, о народном здравоохранении и образовании.

Мы часто видим одну внешнюю сторону жизни государственного человека, и, — что греха таить, — подчас завидуем ей. Мы видим, как губернатор в шитом золотом мундире едет в богатой коляске по городу, как военные отдают ему честь, а простой люд снимает шапки и кланяется в пояс, как он подъезжает к своему дому и перед ним услужливо отворяются двери. Мы видим, как на торжествах или в театре ему предоставляются лучшие, наиболее удобные места...

Этот поверхностный взгляд создает впечатление легкости, необременительности трудов и занятий, чуть ли не беззаботности существования государственного служащего. Как непросто под внешними покровами обнаружить скрытую от посторонних глаз рабочую наполненность его жизни: прием посетителей, чтение документов разного рода, принятие решений... Как непросто представить себе тот круг забот и тревог, которые одолевают его, и с которыми он не властен по своему желанию расстаться. А если человек этот не только добросовестный и усердный чиновник, а еще и патриот Отечества, то труды его нередко сопряжены (выражаясь высоким стилем) со многими скорбями.

Таким тяжким нравственным испытанием для губернатора С. Ф. Хоминского, было, например, Польское восстание 1863—1864 гг.

Правомерны ли были разделы Польши между Австрией, Пруссией и Россией в XVIII веке, справедливо ли было сложившееся тогда положение вещей — здесь обсуждать не место. Тем более, что вопрос этот давно утратил свою актуальность после того, как Ленин одним росчерком пера «обкарнал» Россию, лишив ее Польши, Финляндии и многих других результатов многовекового процесса имперостроительства.

Однако в те годы польское восстание раскололо русское общество на две части. Герцен и его единомышленники, для которых хорошо было все, что было плохо для России, в слепоте своей жаждали восстания, и ликовали, когда оно началось. Им противостояли государственники, точку зрения которых Ф. И. Тютчев выразил в своих стихах:

Ужасный сон отяготел над нами,
Ужасный, безобразный сон:
В крови до пят, мы бьемся с мертвецами,
Воскресшими для новых похорон.

Осьмой уж месяц длятся эти битвы,
Геройский пыл, предательство и ложь.

Притон разбойничий в дому молитвы
В одной руке распятие и нож.

И целый мир, как опьяненный ложью,
Все виды зла, все ухищренья зла!
Нет, никогда так дерзко правду Божью
Людская кривда к бою не звала!..

О край родной! Такого ополченья
Мир не знавал с первоначальных дней...
Велико, знать, о Русь, твое значенье!
Мужайся, стой, крепись и одолей!

Эхо польских событий донеслось и до Вологодской губернии, и сюда пытались проникнуть и возмутить народ подстрекатели и провокаторы. В письме С. Ф. Хоминского епархиальному архиерею епископу Христофору от 3 мая 1863 года узнаем, что «в губернии с некоторого времени начали рассылаться разные сочинения возмутительного содержания и подложно составленные бумаги, имеющие вид документов правительства».

Очень трудно, почти невозможно, но необходимо по тонким черточкам, по беглым штрихам воспоминаний воссоздать образ губернатора Хоминского. Не карикатурного царского сатрапа, какими рисовали царских губернаторов еще недавно в наших школьных учебниках, а живого человека с чутким, добрым, благородным сердцем.

Вот что пишет о нем современник: «Свитский генерал С. Ф. Хоминский завзятый поляк, но настолько тонкий человек, что умел благополучно прогубернаторствовать даже в трудное время польского восстания, когда Вологда была набита ссыльными поляками, когда воздвигалось ярое гонение против поляков, стоящих на русской службе, особенно католиков». Оставим на совести автора этих строк М. Бунакова, неисправимого либерала, этот вздор о ярое гонении, который никак не согласуется с его же дальнейшими словами: «Ссылные поляки состояли под покровительством